

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

К вопросу о дуэли

Опубликовано:

Христианское чтение. 1897. № 12. С. 785-794.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

КЪ ВОПРОСУ О ДУЭЛИ.

Оригинальное мнѣніе о ней современнаго нѣмецкаго профессора и оцѣнка его.

ВОПРОСЪ о дуэли—модный вопросъ. Дуэли постоянно происходятъ (особенно на западѣ). О нихъ много говорятъ и не меньше пишутъ. Касались этого вопроса, между прочимъ, и мы въ своихъ статьяхъ, имѣвшихъ цѣлюю намѣтить нормальныя отношенія человѣка-христианина къ себѣ и ближнимъ ¹⁾ Нынѣ мы снова возвращаемся къ нему же. Поводомъ послужила для насъ небольшая статья извѣстнаго пражскаго профессора д-ра Юсифа Экштейна, посвященная вопросу о дуэли и освѣщающая послѣдній довольно оригинально. Имя Экштейна пользуется почетомъ и на Западѣ, и у насъ. Въ 1888 г. появилось его сочиненіе: «Честъ въ философіи и правѣ ²⁾». Оно замѣчено у насъ и переведено на русскій языкъ, составивъ собою первый выпускъ «Юридической библіотеки» Я. Канторовича—этого весьма интереснаго изданія. Данный выпускъ отпечатанъ уже вторымъ тисненіемъ, что само по себѣ—довольно знаменательно.

На дняхъ мы получили нѣсколько книжекъ журнала «Новое Обозрѣніе», посвященнаго вопросамъ «науки, искусства, литературы и общественной жизни» ³⁾. Во-второмъ номерѣ его за 1896/97 г. мы встрѣтили (S. 103—110) вышеотмѣченную нами статью, съ которою хотимъ познакомить читателей.

¹⁾ См. Христ. Чтен. Августъ и Ноябрь 1897 г.

²⁾ Die Ehre in Philosophie und Recht.

³⁾ „Neue Revue. Zeitschrift für Wissenschaft, Kunst, Literatur und öffentliches Leben. Herausg.: H. Osten und E. Wengraf... Wien“.

Сначала Экштейнъ знакомить съ положеніемъ дѣла. Хотя еще въ 1837 г. проф. Розенкранцъ, замѣчаетъ онъ, говорилъ, что «тѣмъ» о дуэли «можно считать слишкомъ истерпанною», хотя въ теченіе дальнѣйшихъ шестидесяти лѣтъ литература по этому вопросу разрослась до громаднхъ размѣровъ (кто только не вносилъ здѣсь своей лепты!), однако, еслибъ кто-либо вздумалъ и въ настоящее время писать все по тому же вопросу, то онъ, по словамъ Экштейна, могъ бы дѣлать это, не приводя предварительно такихъ или иныхъ «оправданій», и по очень простой причинѣ, той именно, что «вопросъ о дуэли становится все острѣе и острѣе»... «Хроника» газетныхъ листковъ, говоритъ Экштейнъ, «постоянно» пестрѣетъ сообщеніями о дуэляхъ. При этомъ, нельзя забывать того обстоятельства, что далеко не всѣ дуэли доходятъ до свѣдѣнія издателей газетъ. «Дуэль стала» (т. е., особенно въ нѣмецкихъ странахъ) «нормальнымъ общественнымъ установленіемъ». Она поддерживается извѣстною частью общества, печатью. Сказанное Экштейномъ о западѣ въ извѣстной степени приложимо и у насъ. Еще сегодня (28 октября), когда мы начали писать свою настоящую статью, въ фельетонѣ «Новаго Времени» (28 окт. 1897 г. № 7784: «Христианство пассивно или активно»?) встрѣтили такое оправданіе пушкинской дуэли: «Пушкинъ защищалъ отечество свое—свой кровь, свою семью, жену свою; все это защищалъ въ *чести*, какъ и воинъ отстаиваетъ не всегда существованіе, но часто только *честь*, доброе имя, правую гордость своего отечества. Нисколько и ни въ чемъ все это не противорѣчитъ активному христианству и тѣмъ *корнямъ* страстей, которыхъ бытіе въ Богочеловѣкѣ утверждали соборы»... (3 стран.). Завратъся еще болѣе, кажется, невозможно. Еще болѣе исказить христианское ученіе въ данномъ случаѣ немыслимо. И такой вздоръ, такіа лжетолкованія христианскаго ученія печатаются на страницахъ распространеннѣйшей газеты. Хороши будутъ плоды!.. Находя себѣ поддержку въ извѣстной части общества, дуэль, какъ установленіе, рассуждаетъ Экштейнъ, «упорно» отстаиваетъ разъ завоеванную ею позицію. Противъ нея были направлены крѣпкія стрѣлы, повидимому, «непобѣдимое» оружіе, при томъ, троякаго рода. Во-первыхъ, ополчился противъ дуэли суровый «уголовный законъ». Но безсильными оказались даже и «драконовскія» карательныя мѣры Людовика XIV. И при нихъ обычай уцѣлѣлъ. «Наказаніе не казалось

постыднымъ». Напротивъ, наказываемое лицо возводилось въ сознаниі извѣстной части общества на пьедесталь «героя». Затѣмъ обратились къ содѣйствію «морали и религіи», которыя, ожидалось, окажутъ помощь въ борьбѣ съ разсматриваемымъ дурнымъ обычаемъ. Но ни та, ни другая не сломили послѣдняго. Напротивъ, «религія чести» вышла побѣдительною и триумфаторомъ. Призвали, наконецъ, на помощь доводы «разума», выставляли на видъ то обстоятельство, что «всякій разумъ» въ данномъ случаѣ «приносится» дуэлистами «въ жертву слѣпому случаю, который никогда не доказываетъ» того, для доказыванія чего призывается, «и такъ часто произносить ложныя рѣшенія». Но по-прежнему не было успѣха. «Ни законодательство, ни мораль, ни религія, ни разумъ не могли, говоритъ Экштейнъ, положить конца этой ужасной азартной игрѣ, гдѣ ставкою служитъ человѣческая жизнь»...

Чѣмъ же помочь горю? Гдѣ—источникъ зла? Ужели мы безсильны что-либо сдѣлать, достигнуть какого-либо успѣха? Издавна, разсуждаетъ Экштейнъ, дѣлались попытки, но оказывались безуспѣшными потому, что шли по ложному пути. Имѣя въ виду у себя ближайшимъ образомъ разсужденіе Бѣлова (Below): «*Дуэль и германское понятіе о чести*» («*Das Duell und der germanische Ehrbegriff*»), обнародованное авторомъ въ самое послѣднее время, Экштейнъ говоритъ, что «вопросъ о дуэли лежитъ гораздо, гораздо глубже, чѣмъ думаетъ Бѣловъ и съ нимъ тысячи и тысячи» другихъ лицъ. «Послѣднее» по времени «произведеніе изъ литературы о дуэли», т. е., принадлежащее Бѣлову, «показываетъ, какъ еще и нынѣ поверхностно трактуется» данный вопросъ. Что же, однако, говоритъ Бѣловъ? Онъ указываетъ довольно оригинальную сторону дѣла, даетъ историческую справку, говорящую, что предкамъ нынѣшнихъ германцевъ—средневѣковымъ рыцарямъ дуэль, въ нынѣшней ея формѣ, была совершенно неизвѣстна. Дуэль не должна быть приравниваема ни къ войнѣ, ни къ турнирамъ, потому что во время войны имѣетъ мѣсто «самое свободное движеніе, обширнѣйшая дѣятельность, вполнѣ развертываются силы, турниръ же былъ только простой забавой». Напрасно, поэтому, о лицахъ, отказывающихся отъ дуэлей, говорятъ, что они «пятнаютъ свой родъ». Какъ они могутъ этимъ позорить имя своихъ предковъ-рыцарей, если послѣдніе такой дуэли не практиковали

и не одобряли? Дуэль, говоритъ Бѣловъ, «испанскаго происхожденія»; она—плодъ «праздности испанскаго рыцарства», порожденіе атмосферы, окружающей привыкшаго къ боямъ испанца... Не будемъ говорить, насколько дѣлаемая Бѣловымъ историческая справка отвѣчаетъ исторической правдѣ, а отмѣтимъ только то, что знанія прежней исторіи дуэли ни въ какомъ случаѣ будетъ недостаточно для того, чтобы нѣмецкое дворянство (а за нимъ и всякое другое) и отказалось отъ этого обычая: корни послѣдняго слишкомъ глубоки, и необходима бѣольшая мощь, чтобы уничтожить ихъ... Другія данныя, отмѣчаемая Бѣловымъ, не отличаются оригинальностью, служа повтореніемъ того только, что по настоящему вопросу уже было тѣми или иными лицами высказано раньше. Такъ, Бѣловъ апеллируетъ къ «серьезнѣйшему, нравственному жизненпониманію нѣмца, который не шутитъ съ жизнью», не жертвуетъ ею «за бездѣлицу», — къ его «правовому чувству», которое не дозволяетъ съ презрѣніемъ относиться къ закону, и проч. и проч.

Экштейнъ пытается освѣтить дѣло съ иной совсѣмъ стороны, нежели съ какой смотрятъ Бѣловъ и другіе. Суть дѣла, по его мнѣнію, коренится «въ проблемѣ отношенія морали и права». «Корень дуэльнаго зла», говоритъ онъ, «лежитъ въ ложно проведенной границѣ между моралью и правомъ».

Что области морали и права не обособлены одна отъ другой вполнѣ точно и окончательно опредѣленно, это, скажемъ, справедливо. Не только въ прежнее время, но и въ наши дни не рѣдкость—встрѣтиться съ изслѣдованіями, въ которыхъ предлагается крайне туманный взглядъ по этому вопросу. Гдѣ слѣдуетъ искать причину этого явленія? И мораль, и право имѣютъ въ виду урегулировать поступаніе людей. Центръ тяжести усилій морали лежитъ въ урегулированіи внутренняго міра человѣческаго Я. Всѣ внѣшнія откровенія этого Я окрашиваются такъ или иначе непременно со стороны внутренняго человѣческаго святилища и могутъ быть поняты, могутъ имѣть значеніе лишь постольку, поскольку въ нихъ отражается послѣднее, при чемъ всѣ они способствуютъ развитію, укрѣпленію и упорядоченію его. Центръ же тяжести правовыхъ наукъ коренится въ урегулированіи внѣшнихъ отношеній людей, внѣшняго поведенія человѣка. Конечно, и право не прочь-бы затронуть внутреннюю жизнь нашего Я

и повліять на нее, но это ему, взятому самому по себѣ, не по силамъ. Не вникая въ сущность дѣла, необходимо предполагающую различныя точки зрѣнія на право и мораль, нѣкоторые лица смѣшали, перепутали эти понятія и стали пользоваться ими неправильно. Все это тѣмъ легче и тѣмъ чаще происходило по той еще причинѣ, что мораль и право являлись имѣющими слишкомъ много точекъ соприкосновенія, такъ что и при внимательномъ отношеніи къ дѣлу разобратся могъ не всякій, да и то лишь нерѣдко съ огромнымъ трудомъ. Когда опредѣляли сферы морали и права, тогда нѣкоторые моменты оказались внѣ какъ той, такъ и другой, такъ сказать, «между небомъ и землей». Таковы, напр., самыя обыкновенныя «приличія», соблюдаемыя при встрѣчѣ людей другъ съ другомъ, при разговорахъ и въ весьма многихъ другихъ случаяхъ общежитія (чит. у о. І. Л. Янышева) и т. под. Урегулированіе такихъ моментовъ происходило и происходитъ особливимъ путемъ, опираясь на установившійся обычай или иное что-либо въ подобномъ же родѣ...

Словомъ, что долженъ быть произведенъ обстоятельный пересмотръ границъ, отдѣляющихъ въ настоящее время мораль и право, въ этомъ сомнѣваться нельзя, и Экштейнъ, ратующій за это, правъ безспорно и совершенно. Но, насколько такой пересмотръ можетъ быть благотворенъ въ данномъ случаѣ, т. е., когда идетъ рѣчь о дуэли, это еще надлежитъ подвергнуть обсужденію, что потомъ и слѣлаемъ.

«Прекращеніе дуэльнаго зла», рассуждаетъ Экштейнъ, «обусловлено радикальнымъ измѣненіемъ повѣйшихъ правовыхъ воззрѣній и соотвѣтствующею реформою въ» области законодательства. Пока не произошло такого измѣненія и такой реформы, зло будетъ сильно. И «прежде всего должно быть уничтожено гибельное раздѣленіе морали и права въ нынѣшнемъ его видѣ».

Обращая вниманіе на «рубрику преступленій, которыя направляются непосредственно противъ идеальной личности человѣка», продолжаетъ Экштейнъ, мы замѣчаемъ, что «уголовные законы знаютъ только оскорбленіе чести», при чемъ «юридическое понятіе объ этомъ оскорбленіи сведено на minimum. Большая часть преступленій, прямымъ объектомъ которыхъ является идеальная личность человѣка, не принимаются во вниманіе уголовнымъ закономъ, хотя ихъ психическія и тѣлесныя дѣйствія часто не меньше, чѣмъ — другихъ

преступлений. Здѣсь—величайшій пробѣлъ въ уголовныхъ законахъ. Оскорбленія чести», при томъ, являются сравнительно еще маловажнымъ моментомъ «въ сравненіи съ другими преступлениями противъ идеальной личности человѣка, которыя случаются ежедневно, приводятъ въ волненіе общество, у иного человѣка отсѣкаютъ жизненный нервъ и, однако, лежатъ далеко отъ сферы дѣйствія нашихъ законовъ, не подлежатъ ихъ строгости, потому что объектомъ» такихъ преступлений является «человѣческая душа». Экштейнъ, между прочимъ, припоминаетъ одно мѣсто изъ «Disciple» Бурже, современнаго франц. романиста: «хотя человѣкъ, который теперь стоитъ передъ вами, не влилъ яда, однако, онъ сдѣлалъ еще худшее. Но онъ не подлежитъ вашему судилищу и не можетъ быть приговоренъ, какъ убійца. Онъ—невиновенъ предъ закономъ». А извѣстно, что въ данномъ романѣ проводится та, между прочимъ и особенно, мысль, что творцы зловредныхъ теорій нравственности, губящіе послѣдними неопытныхъ людей, должны отвѣчать за гибель послѣднихъ и, конечно, не только предъ своимъ внутреннимъ судилищемъ, но и предъ обыкновеннымъ видимымъ судомъ. Развѣ не громадный пробѣлъ въ уголовныхъ законахъ, когда подобные моралисты, убивающіе не только тѣло, но и душу своихъ жертвъ, остаются безнаказанными? Или: одинъ человѣкъ иногда оскорбляетъ другого; оскорбленіе настолько сильно и въ такой степени трогаетъ послѣдняго, что онъ заболѣваетъ и затѣмъ умираетъ. Развѣ оскорбитель—не убійца, развѣ онъ не долженъ подлежать уголовному суду, тѣмъ болѣе, что обстоятельства дѣла извѣстны многимъ и могутъ быть ими въ достаточной степени подтверждены и доказаны предъ судьями? Приведенные примѣры и тысячи болѣе или менѣе аналогичныхъ съ ними показываютъ, что оскорбленный человѣкъ иногда можетъ оказаться въ безпомощномъ и безвыходномъ положеніи. Къ защитѣ суда обратиться онъ не можетъ: «никакой судья не слушаетъ» его. Возникаетъ мысль: не употребить ли въ дѣло свой собственный судъ? Но эта мысль сейчасъ же должна и потухнуть: «и законъ, и цивилизація запрещаютъ ему самому брать на себя роль судьи. Это была бы грубая самопомощь, къ преступленію присоединялось бы другое». Тогда человѣкъ рѣшается обратиться за помощью къ слѣпому «случаю». Этому послѣднему «предоставляется», такимъ образомъ, «рѣшеніе дѣла», т. е., чрезъ дуэль. «Только такъ и можетъ быть выясняема дуэль. Нельзя сомнѣваться въ томъ,

что она имѣетъ назначеніе функционировать въ качествѣ дополненія къ правовому порядку, должна восполнить пробѣлъ», имѣющей мѣсто въ послѣднемъ. «Всѣ другія объясненія дуэли», говоритъ Экштейнъ, «ошибочны».

Впрочемъ, найдя ключъ къ объясненію дуэли, понявъ, какъ она могла возникнуть, мы, рассуждаетъ Экштейнъ, ни мало не намѣрены отнестись къ ней съ одобреніемъ. «Дуэль — предосудительна и хотя она понятна», какъ извѣстное явленіе, «однако, не извинительна». Приходится лишь пожалѣть о томъ, что хотя насчитывается множество жертвъ дуэли, однако, «законодательство» въ этомъ случаѣ упорно остается нечувствительнымъ къ злу: «упрека противъ правового порядка не слышится, жалобъ на него не понимаетъ».

«Дуэль прекратится», какъ установившійся обычай, «лишь тогда только, когда послѣдуетъ сильное передвиженіе границъ, существующихъ между моралью и правомъ въ пользу права. Здѣсь долженъ оказать помощь законъ». А такъ какъ пока не хотятъ понять истиннаго смысла дѣла и не желаютъ врачевать болѣзнь въ самомъ ея корнѣ, то примиряются съ послѣднею, какъ фактомъ, «называя дуэль необходимымъ зломъ, въ извѣстныхъ границахъ по-неволѣ терпимымъ средствомъ къ самосохраненію личности. Какъ будто-бы настоящее нездоровое состояніе права не могло быть измѣнено!»

Но медлить съ этимъ дѣломъ болѣе нельзя. Нельзя терпѣть, чтобъ и впредь «за дуэль назначались мягкія наказанія», нельзя примиряться съ тѣмъ, «что правовой порядокъ не въ состояніи предупредить возникновенія дуэлей». А пока мы терпимъ одно, примираемся съ другимъ, происходятъ такія, напр., вещи, которыя, при нынѣшнемъ положеніи дѣла, «едва ли кого болѣе удивляютъ»: о происходящихъ дуэляхъ — этомъ «уголовными законами воспрещенномъ подъ опасеніемъ наказанія преступленія — возвѣщаютъ въ газетныхъ листкахъ, военный совѣтъ чести обязываетъ офицера, подъ опасеніемъ лишенія его военного положенія, къ дуэли, между тѣмъ какъ также военный уголовный законъ наказываетъ дуэль, какъ преступленіе». Полная нелѣпость, полная путаница!..

Говоря о дуэляхъ, замѣчаетъ Экштейнъ, мы всюду, конечно, разумѣли только серьезные случаи, когда дѣйствительно имѣло мѣсто оскорбленіе идеальной личности человѣка, не предусматриваемое и не наказуемое законами и проч., а не такіе, въ основѣ которыхъ лежитъ нелѣпое «тщеславіе и

дурачество». «Послѣдняго рода дуэли — обыкновенные проступки» и, какъ таковыя, онѣ, т. е., дуэли, предусмотрѣны и наказуемы даже и нынѣшними законами. Говорить объ измѣненіи отношенія послѣднихъ къ такимъ дуэлямъ излишне.

Въ заключеніе всего Экштейнъ высказываетъ «желаніе, чтобъ беллетристическая литература перестала, наконецъ, въ такихъ легкомысленныхъ дуэляхъ восхвалять личное мужество и рыцарство» дуэлистовъ. Дѣйствительно, желательное отношеніе беллетристики къ дуэлямъ, въ свою очередь, можетъ лишить послѣднія одной изъ ихъ приманокъ.

Мы раскрыли только «суть» возрѣній Экштейна, отбросивъ подробности.

Взглядъ Экштейна на истинную причину *происхожденія* дуэлей и оригиналенъ (по крайней мѣрѣ, въ такой опредѣленной и выразительной формѣ онъ еще никѣмъ, насколько намъ извѣстно, не высказывался), и весьма правдоподобенъ, но о предлагаемомъ Экштейномъ средствѣ къ уврачеванію зла, какъ яко-бы единственномъ въ настоящемъ случаѣ, слѣдуетъ подумать и подумать... Дѣйствительно, дуэли могли явиться при отмѣченныхъ этимъ ученымъ моментахъ: человекъ оскорбленъ въ его лучшей, идеальной сторонѣ, законъ не защищаетъ и не хочетъ защищать его, взять на себя роль судьи обиженный не считаетъ себя въ правѣ, и вотъ придумывается оригинальный, безпристрастный судья-случай, изрекающій свой приговоръ чрезъ пистолетное дуло... Въ человекѣ коренится животное. Разбуженный въ немъ звѣрь не хочетъ и не можетъ успокоиться, пока обидчикъ такъ или иначе не призванъ къ отвѣту. Если разсматривать дѣло только съ подобной грубо-естественной точки зрѣнія, тогда, разумѣется, конецъ и дальнѣйшимъ разговорамъ. Но ужели люди, интеллигентные (по крайней мѣрѣ, мнящіе быть таковыми) люди (а дуэли обыкновенно практикуются лишь въ ихъ средѣ) могутъ быть связаны только предписаніями закона, который въ настоящее время не предусматриваетъ и не наказываетъ множества преступленій противъ «идеальной человѣческой личности»? Ужели только тогда оскорбленный человекъ и можетъ успокоиться и не мечтать о дуэли, когда онъ найдетъ защитника въ лицѣ закона? Ужели мечь, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, такъ необходима? Не хотѣлось бы вѣрить. Страшно было бы думать, что человекъ — такой звѣрь, который можетъ быть сдержанъ лишь подобнымъ образомъ, — который можетъ успо-

коитсья, лишь видя, какъ наказываютъ за него его ближняго... Всѣ остальные средства въ данномъ случаѣ, думаетъ Экштейнъ, безсильны. Ужели дуэлисты, какъ говоритъ Экштейнъ, глухи къ требованіямъ разума, неодобряющаго дуэлей? Ужели въ нихъ такъ сильна потребность видѣть врага отмщеннымъ, что для достиженія своей цѣли они спокойно готовы попирать и попираютъ голосъ лучшей стороны своего Я? Не хотѣлось бы говорить: «да», такъ какъ иначе пришлось бы составить себѣ нелестное о всѣхъ ихъ мнѣніе, какъ о лицахъ, въ своей дѣятельности руководствующихся не высшею, а низшею, грубѣйшею стороною своего Я. Ужели въ данномъ случаѣ безсильны, — какъ говоритъ Экштейнъ, — и религія, и мораль? Если — «да», то предъ нами находятся лица, отвергающія, по крайней мѣрѣ, христіанскую религію. Христіанская религія и христіанская мораль, окрашиваемая первою, какъ знаемъ (см. наши цитов. статьи), безусловно отрицательно относятся къ явленіямъ, подобнымъ дуэлямъ. Впрочемъ, такимъ же точно образомъ смотрятъ на эти явленія и даже другія нравственныя ученія — порожденія лишь только естественнаго здраваго ума. Если для обиженнаго не имѣютъ никакого значенія ни голосъ религіи, ни голосъ морали (христіанскихъ), если въ немъ гораздо сильнѣе раздается лишь голосъ мести, заглушающій все остальное и требующій, чтобъ его оскорбленная «идеальная личность» была отомщена, то, право, для подобнаго человѣка не стоитъ и предпринимать какихъ-либо измѣненій въ законахъ, если только такія измѣненія не вызываются существомъ дѣла или вообще другими болѣе или менѣе солидными и немаловажными причинами. Что это за «самообожаніе» такое, что это за преклоненіе предъ «идеальною» своею «личностью», что для огражденія яко-бы поправленныхъ правъ ея можно презрѣть голоса и религіи христіанской, и христіанской же морали? Нѣтъ, здѣсь скорѣе можетъ быть рѣчь не объ идеальной личности, а только о грубой, животной. Истинная же идеальная личность не нуждается въ подобной грубой и дикой ея защитѣ. По вопросу о дуэли можетъ имѣть, конечно, значеніе и средство, предлагаемое Экштейномъ, но въ средѣ истинно-христіанской (а о ней собственно и рѣчь) дуэль можетъ быть съ большимъ успѣхомъ искоренена совершенно другимъ путемъ: проведеніемъ во внутреннѣйшее святилище каждаго и закрѣпленіемъ здѣсь высокихъ принциповъ христіанской религіи и христіанской морали.

Пока же объ этомъ не позаботятся, пока христіанское общество будетъ христіанскимъ только по одному имени, ничѣмъ остальнымъ дуэль не можетъ быть искоренена окончательно, такъ какъ едва ли какое-либо законодательство въ состояніи предусмотрѣть всѣ возможные случаи оскорбленія «идеальной личности» человѣка, о чемъ такъ хлопочетъ Экштейнъ, односторонне ухватившійся за одну только юридическую точку зрѣнія и видящій въ ней только спасеніе! Да и не хотѣлось бы, обидно было бы думать, что зло (въ данномъ случаѣ дуэль) можетъ быть искоренено въ человѣческомъ родѣ не внутреннимъ врачеваніемъ, а одними внѣшними по отношенію къ существу человѣка и даннаго зла мѣрами, въ настоящемъ случаѣ расширеніемъ сферы законодательства, какъ бы разумно ни было послѣднее...

А. Бронзовъ.

28 октября
1997 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки